

15. Dorzhu Z.Yu. O razvitii istoricheskoy nauki v Tyvinskom gosudarstvennom universitete // Problemy istoricheskogo obrazovaniya v vysshej i srednej shkole na sovremennom etape. Materialy mezhhregionalnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii. (Kyzyl, 25 marta 2005 g.). - Kyzyl: izd-vo TYVgu, 2005. 93 s.

Доржу Зоя Юрьевна – доктор исторических наук, профессор, зав.кафедрой Отечественной истории Тувинского государственного университета, E-mael: zoyadozrhu@yandex.ru

Dorzhu Zoya – doctor of historical sciences, Professor, head of Department of the National history of the Tuvan State University, Kyzyl, E-mael: zoyadozrhu@yandex.ru

УДК 930.1/.2+931/935

К ВОПРОСУ О РОЛИ ЖЕНЩИНЫ В ЖИЗНИ ДОИСТОРИЧЕСКИХ ПЛЕМЁН (ЧАСТЬ 2 – НЕОЛИТ, ЭНЕОЛИТ, ЭПОХА БРОНЗЫ)*

*Забелина Г.А., Забелин В.И.
Тувинский государственный университет, Кызыл*

ON THE ROLE OF WOMEN IN THE LIFE OF PREHISTORIC TRIBES (PART 2: NEOLITHIC, ENEOLITHIC, AND BRONZE AGES)

*Zabelina G.A., Zabelin V.I.
Tuvan State University, Kyzyl*

Представление о развитии человеческого общества в неолите - бронзовом веке - и роли в нём женщины сформировано, главным образом, по археологическим данным. В неолите с переходом к осёдлым пастушеско-земледельческим формам хозяйства и появлением жилищ роль женщины - хозяйки, матери, хранительницы семейного очага и домашнего скота - заметно возросла и особенно увеличилась в эпоху бронзы, когда она была вынуждена принимать участие наряду с мужчинами в добыче руды и бронзолитейном производстве.

Ключевые слова: роль женщины, неолит, энеолит, эпоха бронзы

Our understanding of the development of human society in the Neolithic and Bronze Ages, and the role of women in it, comes primarily from the archaeological record. In the Neolithic, with the transition to sedentary forms of pastoral-agricultural economies, the domestic role of women – as ‘housewives’, mothers, and keepers of the hearth and livestock – emerged. This role expanded noticeably and became especially important in the Bronze Age, when women were needed to participate alongside men in the mining and processing of bronze.

Key words: role of women, Neolithic, Eneolithic, Bronze Age.

Неолит как завершающая эпоха овладения древним человеком изделиями из камня (палеолита), которая длилась многие сотни лет, характеризуется на юге Средней Сибири сравнительно малой продолжительностью (около двух с половиной тысячелетий, между 7 и 4,5 тыс. л. н.) [1]. Этой эпохе развития человека свойственен значительный прогресс во многих направлениях хозяйственной и духовной жизни. Самой яркой чертой неолитической эпохи стало формирование родового общества из первобытного стада с его «полузвериным эгоизмом и ещё необузданными дикими инстинктами» [2, 3]. Пользование огнём, изобретение способов его добывания, коллективная охота на животных, последующее

* см. Вестник ТувГУ. Выпуск 1. Социальные и гуманитарные науки. Забелина Г.А., Забелин В.И. К вопросу о роли женщины в жизни доисторических племён (Часть 1 – палеолит, мезолит). 2012, С. 45-49.

распределение мяса между членами общества, совместное изготовление орудий и другие трудовые процессы дали мощный толчок развитию членораздельной речи ещё в палеолите у неандертальцев и её дальнейшему совершенствованию в неолите у кроманьонцев. В свою очередь, использование трудовых навыков и речи стимулировало развитие мозга [4]. В процессе своего развития древний человек постепенно овладел технологией обработки различных природных материалов с целью изготовления предметов быта, вооружения, простейших орудий труда. На основе накопленного опыта использования камня в предыдущие эпохи он достиг высокой степени обработки каменных орудий (расщепление, сверление, шлифовка и др.) и изготовления изделий из кости и дерева.

В неолите было сделано одно из величайших открытий человечества - изобретён лук со стрелами. Этот первый механизм, сделанный руками древнего человека, позволил значительно облегчить ведение охоты и военных действий. Научившись распознавать сыпучее каменное сырьё, человек стал добывать глину, подходящую для изготовления керамической посуды, и охру для получения минеральных красок. Важный этап в жизни неолитических племён – приручение и одомашнивание различных животных, в первую очередь, собаки (для охоты), затем свиньи, коровы, овцы, козы и лошади. С окончанием холодного периода пещеры перестали служить постоянным местом обитания людей. Появились открытые стоянки, где человек стал делать себе жилища типа шалаша или чума на 6-7 человек с очагом посредине. Такое жилище, рассчитанное на одну семью, стало основой выживания двух основных хозяйственных типов населения Азии: охотников, рыбаков и оленеводов тайги и кочевников-скотоводов степей. По отношению к остальной части сообщества такая семья пользовалась относительной автономией, в её основе лежала связь типа «мать - дети» [5]. Основной ячейкой племён древних кочевников считалась большая неразделённая семья, в которой женщина, как и в обществе, занимала относительно высокое положение. Это доказывается многоактностью погребений в некоторых усыпальницах, их устройстве и взаимным положением погребённых [6]. Наряду со скотоводством в равнинных местностях с плодородными почвами возникло и земледелие, в появлении и развитии которого важная роль принадлежала женщине.

В общественном труде женщины принимали участие наряду с мужчинами, но форма их деятельности была иной, т.к. «в силу анатомо-физиологических особенностей, свойственных женщинам, им не всегда предоставлялось возможным с той же лёгкостью, как мужчинам, участвовать в охоте на более крупных животных, требовавших долгой и быстрой погони. Женщинам труднее было метать камни и одолевать опасных зверей» [4, с. 306]. Необходимость разделения труда между мужчинами и женщинами диктовалась и другими особенностями жизни древних людей, на которых остановимся ниже. При этом представление о роли женщины в неолите (эпохе раннего металла) сформировано на основе анализа археологического материала, предположений о возможностях использования женского труда в те далёкие времена и описаний быта современных племён, стоящих на начальной стадии социального развития.

Неолит (или новокаменный век) характеризовался обилием и многообразием изделий из камня. При этом чаще всего использовались разновидности кварца (халцедон, кремь) или кварцосодержащих пород (микрокварциты, яшмы, нефриты, кварциты различного происхождения и т.п.). Их тонкозернистые и скрытокристаллические разновидности обладают высокой твёрдостью и достаточной вязкостью, что позволяло изготавливать из них как крепкие монолиты для каменных топоров и молотов, так и тонкие длинные отщепы для поделок проколов, наконечников копий, дротиков, наконечников стрел и полотна ножей, а из более толстых и грубых – скрёбла для обработки кож [7]. Края отщепы могли быть обработаны (отретушированы) так тонко, что представляли собой острое лезвие,

которое, как предполагается, могло использоваться даже в хирургических операциях. В процессе ретуши применяли отжимную технику – откалывали ударником (в т.ч. и костяным) мельчайшие кусочки по краю отщепа. Эта работа требовала большого умения, терпения и точности и, по всей вероятности, выполнялась женскими руками. Сырьё для заготовок добывалось горняками-мужчинами в некоторых немногочисленных местах (на естественных выходах горных пород, в ямах, карьерах и т.п.) и обрабатывалось здесь же или доставлялось на стоянку, где происходило изготовление орудий. При этом расстояние транспортировки сырья могло составлять несколько десятков и даже сотен километров [8]. Судя по большому числу мелких отщепов, встречающихся во многих местах, например, на песчаных раздувах Центрально-Тувинской котловины, обработка камня могла происходить не только на стоянках, но и на местах охоты или временного пребывания людей. Найденные здесь каменные наконечники небольших стрел могли быть использованы для добычи грызунов и птиц вблизи стоянок как женщинами, так и подростками. Тщательность и мастерство изготовления наконечников стрел были настолько высокими, что к ним могли быть причастны только женские руки.

Материалов, свидетельствующих о конструкции жилищ неолитического человека в Туве, пока не найдено. На многослойной стоянке Тоора-Даш, расположенной на правом берегу Енисея в 5 км ниже устья р. Хемчик, её обитатели, сезонные охотники и рыболовы, устраивали временные жилища в виде шалашей с диаметром основания 3-5 м, в центре которого располагался очаг. По аналогии со стоянкой более позднего окуневского времени, это должны были быть лёгкие переносные жилища типа шалашеобразных круговых чумов, крытых корой или шкурами животных [9]. Возможно, сооружением жилища занимались женщины, пока мужчины были заняты охотой или рыбалкой. По крайней мере, у пигмеев племени бака в Камеруне, находящихся на близкой к неолитической стадии развития, обязанности по сооружению жилища возложены на женщин, которые расчищают площадки, заготавливают ветви и сплетают их в виде полусферы, покрывая сверху широкими листьями с целью защиты от солнца и дождя.

В жизни древнего человека велико было значение огня: почти на каждой неолитической стоянке его применение можно обнаружить по зольным прослойкам и очажным пятнам в культурных слоях, а также по скоплениям мелких кусочков древесного угля. Огонь добывался путём высекания искры при ударе одного куска кремня о другой или куска пирита о кремень или путём трения деревянной палочки о досочку, в углублении которой находился сухой мох. Добывание огня, поддержание очага в жилище, также как и приготовление на огне пищи, наверняка, входили в обязанности женщины-хозяйки. Вокруг очага в виде обкладки обычно обнаруживались обожженные камни, которые, вероятно, служили в качестве обогревательных элементов, а при сильном их нагреве использовались наподобие плиты для поджаривания мяса. Мясо и рыба, как было установлено по материалам древнего поселения Тоора-Даш, входили в обычный рацион охотников и рыболовов. Это доказывается большими скоплениями костей этих животных во всех трёх горизонтах неолитического культурного слоя. Охотились на сибирского горного козла, горного барана (архару), косулю, марала, лису, кабана, а также на отсутствующих ныне в фауне Тувы дзерена и кулана. Охотой и рыболовством занимались преимущественно мужчины, но по наблюдениям за бытом племени современных пигмеев бака, ловля рыбы сетью на мелководье производилась женщинами, тогда как плетенье сетей, их ремонт, а также добыча мёда, приготовление яда с целью покрытия наконечников стрел считались сугубо мужскими занятиями.

Вблизи очага, как это наблюдалось на стоянке Тоора-Даш, устанавливаются скопления расколотых вдоль длинной оси костей для извлечения из них мозга, а также обломки керамики, представляющие собой фрагменты глиняных сосудов. В материале

культурных слоёв стоянки, относимых к неолиту, найдены обломки не менее 25 керамических сосудов с прямыми ровными стенками, округлыми днищами и небольшими прямыми или оттянутыми наружу венчиками в верхней части сосудов. Из многих десятков обломков удалось даже собрать и склеить один сосуд (без дна), похожий на горшок диаметром 20,5-23 см и высотой 28 см, толщиной стенок 0,7-0,8 см. Верхняя часть оформлена в виде округлого гладкого венчика, стенки же, напротив, были сплошь покрыты тонким гребенчатым орнаментом. Орнамент образован оттисками близко поставленной шагающей гребёнки, ориентированной вертикально, а в придонной части – горизонтально. По фрагментам других сосудов установлена приострѐнная или срезанная ровно и декорированная форма края венчика, под которым прочерчивался тонкий ободок или оттискивалось кольцо неглубоких овальных углублений. Узор на стенках располагался горизонтально, «ёлочкой», наклонно или попеременно, что создавало имитацию текстильного орнамента. Донышко также могло украшаться кольцевым или спиральным орнаментом [9]. В основе рисунка находились колечки диаметром 2-3 мм, которые оттискивались на ещё мягкой поверхности сосуда пустотелой, скорее всего, птичьей косточкой с плотностью 4-8 углублений на 1 кв. см. С большой долей вероятности можно предположить, что изготовлением посуды и её украшением занимались женщины. Традиционная орнаментация и приѐмы выделки керамики, характерные для близкородственных первобытных племѐн, являются определяющим критерием при выделении археологами неолитических культур и установлении взаимных контактов между различными родоплеменными группами [10].

Обломки керамической посуды встречаются практически на каждой неолитической стоянке. В их изломе часто наблюдаются довольно крупные (1 мм и более) песчинки, свидетельствующие о плохом качестве исходного глиняного сырья и низком качестве обжига готового изделия. По этой причине при ударе, давлении, нагреве глиняная посуда часто ломалась по местам стыка основных частей сосуда (шейки, тулова и дна) и приходила в полную негодность; этим и объясняется большое количество обломков керамики в неолите.

Каким образом изготавливалась посуда и другие вещи из глины – изучено на примере кенийского племени кикую. Глина измельчалась в крошку, освобождалась от камешков и крупного песка, высушивалась на солнце, затем смешивалась с водой и мелким песком и скатывалась в длинные тонкие колбаски. Колбаски складывали в кольца, которые при наложении друг на друга образовывали верхнюю часть будущего горшка. Подсушив её и перевернув горлом вниз, продолжали вылепливать, добавляя кольца и полоски глины, и так до конца работы, пока стенки не замкнутся донышком. Затем изделие сушили и обжигали на костре. Эту работу в племени кикую выполняли женщины, и, видимо, ею они были заняты по всей неолитической ойкумене [11]. Возможно, применяли и другой способ изготовления глиняной посуды – путѐм вылепливания в каком-то определённом объѐме, например, в грубой нитяной сетке, следы которой обнаружены на поверхности керамики на неолитической стоянке Мухино в Западном Забайкалье [12]. Применялся и способ выколачивания, когда внешняя форма сосуда лепилась из куска глины, а затем колотушкой изнутри до толщины 0,5-0,6 см выбивались стенки. На одном из венчиков сосуда сохранились рельефные отпечатки кончиков пальцев гончара [1].

Изготовленные глиняные сосуды предназначались прежде всего для хранения воды и злаков, но не исключается возможность использования и для варки пищи путѐм помещения в них нагретых на костре камней. Именно такое впечатление складывалось, когда авторам на открытых неолитических стоянках в Улуг-Хемской котловине (наряду с каменными орудиями и фрагментами керамики) встречалось по несколько небольших галек, сложенных

разными породами, но имеющих одинаковую тёмную поверхность, заметно отличающуюся от естественного солнечного и эолового «загара».

Совместно с каменным инвентарём и керамикой на неолитических стоянках Тувы нередко обнаруживаются седловидные жернова или их фрагменты, служившие для перемалывания зерна в муку. Зерно (в раннем неолите это были, скорее всего, семена диких злаков) высыпали на плоскость нижнего жернова и растирали передвижением вперёд-назад небольшого камня (курунта), служащего верхним жерновом. Зернотёрки изготавливались чаще всего из песчаника, их поверхность сравнительно легко выкрашивалась, и песчинки, загрязняя муку, попадали в пищу. Сбором зерна, приготовлением муки и пищи, в целом, занимались женщины; для сбора дикоросов, вероятно, привлекались и дети.

Данных об одежде, которую тогда носили, накоплено очень немного. Скорее всего, в ходу был глухой покрой одежды, шитой из шкур и кож, при изготовлении которой использовались костяные шилья и иглы из тонких рыбьих костей, найденных, к примеру, на стоянке Тоора-Даш. Вначале шили тонкими сухожилиями, затем появились нитки из шерсти и пряжи. Ткачества, вероятно, ещё не было, но украшения уже создавались. Так, на той же стоянке были найдены подвески, изготовленные из зубов марала, и пластинка из окаменелого дерева, сохранившая следы красной краски и зигзагообразный орнамент (двойные треугольники) на одной стороне и параллельные линии на другой. На стоянке Этекшил-1, как и в 6-9 слоях Тоора-Даша, были найдены плоские гальки со штриховым орнаментом [9]. На забайкальских стоянках находили плоские бусинки из перламутра, костяные заколки, подвески из зубов марала [1]. Принадлежали они женщинам, мужчинам или детям – остаётся только догадываться.

Жилище и одежда неолитических людей делали их менее зависимыми от погодных условий, но, несмотря на это, основными районами их обитания были южные и низкоргорные территории, где климат и ландшафты были благоприятнее, а почвы, растительность и животный мир были богаче и разнообразнее. Люди могли вести как оседлый, так и кочевой образ жизни, меняя места своего обитания на более обильные охотничьи животными, рыбой, съедобными растениями, а с появлением домашних животных - и на более богатые и удобные пастбища. Например, судя по анализу верхних культурных слоёв многослойной стоянки Тоора-Даш, эта удобная для устройства лагеря площадка на берегу Енисея на последнем этапе (четвёртый - девятый слои) стала пристанищем не только охотников, но и скотоводов: среди остатков костей охотничьих животных появилось больше крупного рогатого скота, а также овец и коз. Богаче стала орнаментироваться керамика, совершеннее и многообразнее стал каменный инвентарь, но, что особенно важно, в пятом слое был обнаружен штуф медной руды – халькопирита. Это наряду с находками в седьмом слое предметов из бронзы – однолезвийных ножей [9] – знаменовало переход от новокаменного века (неолита) к новому этапу развития человечества – энеолиту, когда наряду с употреблением и преобладанием в использовании каменных орудий появились первые металлические орудия из меди. В Туве энеолит приходится на период 2,5-2 тыс. л. до н.э., когда на её территории поселились европеоидные мигранты с запада – носители так называемой афанасьевской культуры и производящих форм экономики. Они разводили овец, коз, коров, яков (возможно, и лошадей), которые всё больше становились основой скотоводческого хозяйства. Занимались добычей медной руды и её примитивной плавкой. В процессе ассоциации афанасьевцами местной верхнеенисейской культуры появилась новая культура, близкая по своему типу к окуневской (Минусинская котловина). Окуневцы значительно расширили связи с соседними регионами и перешли от плавки меди к бронзолитейному производству [10].

В раннем бронзовом веке, наряду со сложившимся уже охотничье-рыболовным типом хозяйства и началом разведения скота, произошло существенное изменение в

становлении и развитии производящего хозяйства (особенно скотоводства и земледелия), что связывается с приходом больших групп переселенцев-европеоидов восточносредиземноморского типа. Это были преимущественно высокорослые мужчины в возрасте 20-30 лет, захватывающие новые территории и жён силой оружия. Наиболее яркими свидетельствами появления этой особой социальной группы воинов стали раннебронзовые могильники юга Западной Сибири, в которых было захоронено много людей, погибших от ран. Пришлое население владело бронзолитейным делом и выделкой оружия [13], и это, по всей вероятности, в значительной мере определило добычу медной руды и производство бронзы в Туве.

Бронза – это сплав меди с оловом, свинцом, алюминием и другими металлами, среди которых основным в Туве был мышьяк. По сравнению с довольно мягкой медью бронза обладает гораздо большей твёрдостью, и это сближает её по крепости с каменным сырьём. Особенности металлогении меди в Туве заключаются в том, что большая часть этого металла находится в блёклой руде – минерале, содержащем в своём составе помимо меди и серы также мышьяк, сурьму и в виде примесей - кобальт, серебро, висмут и некоторые другие металлы. Поэтому при плавке таких руд за счёт присутствия примесей получалась не чистая медь, а её сплав – бронза. Причём, если бронза с Алтая или из Средней Азии всегда содержала в своём составе олово, то в Туве из-за отсутствия скоплений минералов олова этот металл в бронзах практически отсутствовал. Выходы медьсодержащих минералов на дневную поверхность в некоторых районах Тувы были обнаружены ещё афанасьевцами, организовавшими добычу и плавку меди. Древние выработки на медь находились в долине р. Хемчик (Чингхем, Ачаг-Тыш), в верховьях р. Чергак (Акчат, Шимагташ), по р. Ишти-Хем (Барбары) [14], в районе нынешнего месторождения Хову-Аксы и в других местах. Добыча руды и плавка меди проводились в небольшом количестве, и этим объясняется редкость находок медных предметов в захоронениях людей того времени. Известна лишь одна небольшая пронизка из медной проволоки в виде спирали в три оборота рядом со скелетом молодого мужчины в энеолитическом кургане вблизи горы Кызыл-Хая [15].

Наибольший размах добыча руды и бронзолитейное производство в Туве получили во второй половине бронзового века (примерно с XVI – XV вв. до н.э.) и в его финале (в так называемое карасукское время (XIII–VIII вв. до н.э.)). Как показали наблюдения авторов при проведении в 1962-1967 гг. геолого-поисковых работ на месторождении Хову-Аксы и в его окрестностях, в бронзовом веке здесь были пройдены сотни добычных горных выработок – ям, канав, небольших карьеров, шурфов и даже примитивных штолен [16]. Поблизости располагались плавильни, и их значительное количество находилось также в 6-8 км к северу в долине рч. Он-Кажаа, где тогда были леса и древесину использовали для получения древесного угля в качестве основного вида топлива в плавильном производстве. Заготовка древесного угля достигалась путём сожжения дров в условиях недостаточного доступа воздуха. Обычно, дрова закладывались в ямы, засыпались сверху землёй с оставлением небольших отверстий и горели в течение многих часов. По окончании горения оставшийся под земляной шапкой уголь извлекался и переносился к плавильням. На этой тяжёлой работе, скорее всего, были заняты мужчины. На долю женщин приходилась рудоподготовка, в процессе которой медную руду (а она использовалась только окисленной) необходимо было перебрать, отделить от первичной и растереть в порошок на каменной тёрке, в ступе или в чашевидном углублении в скале. Затем производилась плавка подготовленной руды в сырдутных печах с получением металла и отливкой бронзовых изделий: ножей, кинжалов, наконечников стрел и копий, а также украшений.

Сообщество работающих на руднике людей было велико и, вероятно, достигало сотни человек. Возможно, это было одно из ранних объединений древних людей, живших ещё в условиях первобытнообщинного строя, но связанных теперь единым производственным процессом – добычей руды, выплавкой из неё металла и изготовлением металлических изделий. Рудничные работы на начальных этапах развития горного дела производились при использовании простейших инструментов и примитивных средств первобытной техники. Мужчины на руднике были заняты тяжёлым физическим трудом (добычей медной руды, её доставкой к месту плавки, сооружением плавильни и работой на них), а женщины и, вероятно, дети выполняли множество вспомогательных работ (от заготовки дров, углежжения, подноски древесного угля, воды и пищи до подачи воздуха кожаными мехами в плавильню). Добыча руды осуществлялась огневым способом: для разогрева забоя требовалось разведение костра, а по окончании горения для растрескивания коренной породы – полив холодной водой. Доставка дров и воды в забой, скорее всего, лежала на плечах женщин. В древних рудничных карьерах на южных склонах горы Кара-Хая, наряду с каменными, костяными и роговыми орудиями, палками и деревянными лопатами, были обнаружены остатки закопченной глиняной посуды, использовавшейся для приготовления пищи и хранения воды, и обрывки круглого дна (диаметром около 15 см) берестяного туеса со следами пришивания по краю. Сосуды из бересты, скорее всего, использовались для вычерпывания воды из забоев, и это, наверняка, было женской работой.

По всей вероятности, женщины участвовали и в отбивке руды в забоях кирками из рога марала, которые авторам приходилось собирать десятками. По нашим наблюдениям, в одну из трещин шириной всего 23-26 см, из которой осуществлялась выемка медной руды, могли протиснуться только женщина или ребёнок. Внизу, в основании трещины была обнаружена бусинка из малахита. Свидетельства использования женского и детского труда на тяжелых горных работах в других районах обнаружены в выработках кремня, где наряду с погибшими под обвалами и раздавленными скелетами взрослых рудокопов находили и скелеты детей [17].

Участие женщин в коллективе древних рудокопов Хову-Аксы было подтверждено находкой рядом с карьером высоко на горе Кара-Хая могилы молодой женщины европеоидного облика. На её руку был надет браслет из овального в сечении бронзового прута; у головы лежала бронзовая серьга, имеющая внизу полый конус с четырьмя выступами – лапками; у пояса находился кривой бронзовый нож. Череп женщины по антропологическим особенностям был сходен с черепом мужчины – рудокопа, погибшего поблизости в одной из штолен древнего рудника с каменной колотушкой в руке. Оба черепа по строению характерны в целом для представителей карасукской культуры [15].

Металл и изделия из него производились и для обмена с другими племенами, поэтому можно говорить не только о начале пока ещё примитивного промышленного производства и складывающейся специализации общин, но и установлении контактов с соседями, использующими оседлые пастушеско-земледельческие формы хозяйства.

Полученные на руднике знания и умения требовали известной специализации и кооперации членов первобытной общины – как мужчин, так и женщин. Одни мужчины были заняты добычными и бронзолитейными работами, другие – добыванием пищи (чаще всего, мяса диких или домашних животных). На плечах женщин оставались обязанности по изготовлению одежды, посуды; прядение; ткачество; приготовление пищи; воспитание детей и, вероятно, пастьба скота. Добыча руды, металлов и металлообработка явились одной из ранних форм производственной деятельности в системе древней экономики Тувы, в которой женщине также находилось место в выполнении многочисленных подготовительных и вспомогательных работ.

Таким образом, в отличие от палеолитической эпохи (когда женщина вынуждена была разделять с мужчиной все тяготы жизни кочующего племени охотников-собирателей), в неолите – бронзовом веке – (с улучшением климата, появлением жилищ, развитием скотоводства и земледелия) статус женщины (хранительницы семейного очага и труженицы в быту и многих сферах деятельности зарождающегося общества) значительно укрепился, также как и её самостоятельность. С возникновением возможности выкармливать больше скота, получать больше злаков и добывать металлы начала формироваться собственность, её накопление у отдельных людей приводило к появлению знати, в т.ч. и женщин-правительниц, захоронения которых в больших курганах свойственны уже более поздней – скифской эпохе.

Библиографический список

1. Сёмина Л.В., Гребенщикова. Памятники раннего неолита Западного Забайкалья // Культуры и памятники эпохи камня и раннего металла Забайкалья. Новосибирск: Наука, 1993. С. 113-128.
2. Рогинский Я.Я. К вопросу о периодизации процесса человеческой эволюции // Антропологическ. журнал, 1936. № 4. С. 346-351.
3. Рогинский Я.Я. Проблема происхождения Homo sapiens (по данным работ последнего двадцатилетия). // Успехи совр. биологии. 1938. Т. IX, вып. 1. С. 115-136.
4. Нестурх М.Ф. Происхождение человека. М: Изд-во АН СССР, 1958. С. 302-338.
5. Матющенко В.И. Одна из важнейших составляющих комплекса жизнеобеспечения в древности. Система жизнеобеспечения традиционных обществ в древности и современности. Теория, методология, практика // Мат-лы докладов XI Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1998. С. 29-31.
6. Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М: Наука, 1980. 256 с.
7. Кудрявцев В.И. Физико-механические свойства сырья каменных индустрий древнего человека // Состояние и освоение природных ресурсов Тувы и сопредельных регионов Центральной Азии. Геоэкология природной среды и общества. Кызыл: Изд-во ТИКОПР СО РАН, 2001. С. 152-159.
8. Кудрявцев В.И., Забелин В.И. Ранние этапы заселения человеком центральной части Улуг-Хемской котловины (по материалам палеоэкологических исследований) // Состояние и освоение природных ресурсов Тувы и сопредельных регионов Центральной Азии. Геоэкология природной среды и общества. Вып.8. Кызыл: Изд-во ТИКОПР СО РАН, 2005. С. 181-187.
9. Семёнов В.А. Неолит и бронзовый век Тувы. СПб.: ЛНИАО, 1992. 152 с.
10. История Тувы, т. I. Новосибирск: Наука, 2001. С. 8-66.
11. Квеннелл М. и Ч. Первообытные люди. Быт, религия, культура. М: Центрполиграф, 2005. 238 с.
12. Ивашина Л.Г. О раннем неолите Западного Забайкалья // Культуры и памятники эпохи камня и раннего металла Забайкалья. Новосибирск: Наука, 1993. С. 81-88.
13. Кирюшин Ю.Ф. Особенности формирования хозяйственных типов на юге западной Сибири эпохи энеолита и ранней бронзы. Система жизнеобеспечения традиционных обществ в древности и современности. Теория, методология, практика // Мат-лы докладов XI Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1998. С. 111-113.
14. Порватов Б.М. Медные руды Урянхая // Вестник общества сибирских инженеров, 1917. № 1-2. С. 1-8.
15. Кызласов Л.Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М: Изд-во МГУ, 1979. 207 с.
16. Сунчугашев Я.И. Горное дело и выплавка металлов в Древней Туве. М.: Наука, 1969. 140 с.
17. Гришин Ю.С. Древняя добыча меди и олова. М: Наука, 1980. 133 с.

Bibliograficheskij spisok

1. Somina L.V., Grebenshikova. Pamyatniki rannego neolita zapadnogo zabakalya // Kultury i pamyatniki epokhi kamnya i rannego metalla zabajkalya. Novosibirsk: nauka, 1993. s. 113-128.
2. Roginskij Ya.Ya. K voprosu o periodizatsii protsessa chelovecheskoj evolyutsii // antropologichesk. zhurnal, 1936. 4. s. 346-351.
3. Roginskij Ya.Ya. Problema proiskhozhdeniya homo sapiens (Po dannym rabot poslednego dvadtsatiletiya). // Uspekhi sovr. biologii. 1938. t. ix, vyp. 1. s. 115-136.

4. Nesturkh M.F. Proiskhozhdenie cheloveka. - M: Izd-vo AN SSSR, 1958. s. 302-338.
5. Matyuschenko V.I. Odnа iz vazhnejshikh sostavlyayuschikh kompleksа zhizneobespecheniya v drevnosti. Sistema zhizneobespecheniya traditsionnykh obschestv v drevnosti i sovremennosti. Teoriya, metodologiya, praktika // Mat-ly dokladov XI zapadno-sibirskoj arkheologo-etnograficheskoy konferentsii. Tomsk: Izd-vo Tomsk. un-tа, 1998. s. 29-31.
6. Grach A.D. Drevnie kochevniki v Tsentre Azii. M: Nauka, 1980. 256 s.
7. Kudryavtsev V.I. Fiziko-mekhanicheskie svoystva syryа kamennykh industriy drevnego cheloveka // Sostoyanie i osvoenie prirodnykh resursov tuvy i sopredelnykh regionov tsentralnoj Azii. Geoekologiya prirodnoj srede i obschestva. Kyzyl: Izd-vo TIKOPR SO RAN, 2001. s. 152-159.
8. Kudryavtsev V.I., Zabelin V.I. Rannie etapy zaseleniya chelovekom tsentralnoj chasti ulug-khemskej kotloviny (po materialam paleoekologicheskikh issledovanij) // Sostoyanie i osvoenie prirodnykh resursov tuvy i sopredelnykh regionov Tsentralnoj Azii. geoekologiya prirodnoj srede i obschestva. Vyp.8. Kyzyl: Izd-vo TIKOPR SO RAN, 2005. s. 181-187.
9. Semnov V.A. Neolit i bronzovyy vek Tuvy. Spb.: Lniao, 1992. 152 s.
10. Istoriya Tuvy, T. i. - Novosibirsk: Nauka, 2001. s. 8-66.
11. Kvennell m. I Ch. Pervobytnye lyudi. byt, religiya, kultura. M: Tsentrpoligraf, 2005. 238 s.
12. Ivashina L.G. O rannem neolite zapadnogo zabajkalyа // Kultury i pamyatniki epokhi kamnya i rannego metalla zabajkalyа. - Novosibirsk: Nauka, 1993. s. 81-88.
13. Kiryushin Yu.F. Osobennosti formirovaniya khozyajstvennykh tipov na yuge zapadnoj sibli epokhi eneolita i rannej bronzy. Sistema zhizneobespecheniya traditsionnykh obschestv v drevnosti i sovremennosti. Teoriya, metodologiya, praktika // Mat-ly dokladov xi zapadno-sibirskoj arkheologo-etnograficheskoy konferentsii. Tomsk: Izd-vo Tomsk. un-tа, 1998. s. 111-113.
14. Porvatov B.M. Mednye rudy Uryankhaya // Vestnik obschestva sibirskikh inzhenerov, 1917. 1-2. s. 1-8.
15. Kyzlasov L.R. Drevnyaya tuva (Ot paleolita do ix v.). M: Izd-vo MGU, 1979. 207 s.
16. Sunchugashev Ya.I. Gornoe delo i vyplavka metallov v drevnej Tuve. M.: Nauka, 1969. 140 s.
17. Grishin Yu.S. Drevnyaya dobycha medi i olova.- M: Nauka, 1980. 133 s.

Забелина Галина Александровна - кандидат исторических наук, доцент кафедры Отечественной Истории Тувинского государственного университета, г. Кызыл, E-mail: zabelinvi@mail.ru

Zabelina Galina – PhD in history, associate professor of Department of National history of Tuvan state university, Kyzyl, E-mail: zabelinvi@mail.ru

Забелин Владимир Иванович – доктор биологических наук, профессор кафедры экологии и зоологии Тувинского государственного университета, г. Кызыл, E-mail: zabelinvi@mail.ru

Zabelin Vladimir – doctor of biological sciences, professor of Department of Ecology and Zoology of Tuvan state University, Kyzyl, E-mail: zabelinvi@mail.ru